

Алла ДЕМИДОВА

Часть 1 ПУТЕШЕСТВИЯ НА ДАВНО

Алла ДЕМИДОВА

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Дневники
Воспоминания
Путешествия

Москва / АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Дизайн переплета *Алексея Родюшкина*
Фото на переплете *Данилы Головкина*
Дизайн макета *Татьяны Костериной*

В оформлении книги использованы фотографии из фондов Shatterstock, МИА «Россия сегодня» и личного архива автора

Д30   Демидова, Алла Сергеевна
              Это было давно: Дневники. Воспоминания. Путешествия / Алла Демидова. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 336 с., илл.

ISBN 978-5-17-164852-7

Книга А. Демидовой состоит из двух частей, объединенных темой странствий.

Первая представляет собой дневниковые записи незнакомки Серебряного века о путешествии по Европе. Особый строй мыслей, язык, восприятие повседневности прекрасно переданы в этом осколке прошлого и особенно остро воспринимаются сто лет спустя, когда настолько изменилась жизнь, нравы и речь людей. Каким образом этот дневник оказался в доме актрисы, в чем смысл и тайна его незавершенности и анонимности, мы можем только гадать.

Вторая часть книги — это путевые заметки и дневники самой Аллы Демидовой, рассказы о ее поездках, встречах с известными людьми, работе с выдающимися режиссерами.

Сочетание безымянного текста вековой давности с живыми впечатлениями нашей современницы не просто соединяет разорванные историей эпохи, но и заставляет иначе взглянуть на многие, уже привычные и хорошо знакомые нам места, вещи, явления. Время нельзя остановить, но его можно зафиксировать.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-164852-7

© А.С. Демидова, 2024
© МИА «Россия сегодня»
© ООО «Издательство АСТ», 2024

© 2013

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ОЗЕРО ГАРДА

Одну половину жизни я разбрасываю вещи, а другую половину жизни я их собираю. Так проходит жизнь. В вечных поисках нужной квитанции или куда-нибудь засунутой любимой книжки. Если, например, я снимаю платье, я его не вешаю аккуратно в шкаф, а бросаю на стул или диван. Постепенно там образуется куча вещей, в которой очень трудно найти нужную тебе кофту, а если все-таки ее находишь, то она мятая-перемятая, а гладить я ненавижу. Вы скажете: «Какая неряха!» Но я думаю, что это чисто профессиональная актерская мерзкая привычка. В театре и в кино за костюмами следят костюмеры. А так как 90 процентов твоего времени — в профессии, то нет необходимости учиться вешать вещи аккуратно на плечики и расставлять все по полочкам.

С годами вещей становится все больше и больше.

Как хорошо было в молодости! Мы с мужем переезжали с одной съемной квартиры на другую с одним чемоданом. А когда я приехала на кинофестиваль в Карловы Вары в 1968 году с фильмом «Шестое июля», то портье удивленно спросил: «А где ваши вещи?» — потому что в руках у меня была небольшая дорожная сумка, в которой лежали два шелковых платья. Все!

Помню, смотрела я как-то давно спектакль по пьесе Беккета. На сцене стояли два больших мусорных ящика и в одном жила мама, а в другом отец, и их сын перебегал от одного ящика к другому. Смотрела я этот спектакль на непонятном мне языке, может быть, что-то я там не так поняла, но только надолго запомнила эти мусорные контейнеры — «rubelle», — в которых живут люди.

Так вот, мне тоже кажется, что я сейчас живу в таком «пубелле». За всю жизнь накопилось много ненужных книг. Например, старые телефонные справочники кинематографистов, по углам рассованы рукописи моих книг и сценариев моего мужа, на полках стоят какие-то привезенные из дальних стран безделушки, которые жалко выбрасывать, ибо с ними связаны воспоминания. В шкафах пылятся платья, вышедшие из моды, но, может быть, они когда-нибудь пригодятся, ведь мода возвращается. А мои концертные платья! А мои старые игровые костюмы!

И вот в этом бедламе я часто натыкалась на странную папку, в которой лежала тетрадка в линейку, и там каллиграфическим почерком были написаны чьи-то воспоминания о путешествии. Тетрадка была без начала и конца. Кто писал эти воспоминания — неизвестно. Я пробовала их читать, но тетрадка снова надолго пропадала в моих завалах бумаг.

И вот однажды она мне опять попала на глаза, я ее наконец прочитала, позавидовала неспешности рассказчика о поездке на озеро Гарда на севере Италии и подумала: «А почему бы и не поделиться этими записками с другими людьми».

Есть один литературный прием: где-то, предположим, найдена рукопись неизвестного автора, и другой уже автор публикует эту рукопись со своими краткими комментариями.

У меня оказалась такая рукопись, вернее дневник неизвестной мне женщины. Кто эта женщина — я так и не поняла. Равно как и не поняла, каким образом эта рукопись оказалась в нашем доме среди моих старых бумаг, писем, дневников и маминого архива.

Может быть, читателю будет интересно, как и мне в свое время, познакомиться с этой рукописью. Поэтому я и решила опубликовать этот дневник.

Но только советую читать не «по диагонали», как мы привыкли, а не спеша, не торопясь. Медленно. Тогда вместе с автором этого дневника переместитесь точно в другое время.

«Время бежит? — писал Конфуций. — Бежите вы! Время стоит!»

ДНЕВНИК-ВОСПОМИНАНИЕ 1911 ГОДА

19 июня 1911 года в 9 часов вечера на Брестском вокзале в Москве к одному из вагонов отходящего в Варшаву, а затем далее за границу поезда, собралась та полусотня людей, которым с этого дня предстояло 6 недель жить общей жизнью. Жизнь интенсивной, так как для огромного большинства отъезжающих впечатления от заграничной жизни и культуры совершенно новы. Короткое прощание с провожающими, остающимися родными и близкими; прощание без тоски и печали, по крайней мере со стороны уезжающих, слишком занятых предвкушением нового, — и поезд тронулся.

После суеты и небольших пререканий, все оказались на своих местах и начали жадно всматриваться в соседей, с ко-

Брестский вокзал в 1911 году

торыми свела их судьба на такой интересный, полный ожидания перемен отрезок времени, который в будущем мог изменить их жизнь.

Помню, я в первый же вечер обратила внимание на силуэт девушки у противоположного окна. Меня привлек ее взгляд: грустный, даже скорбный. Она стояла и смотрела в окно. Я не знаю, что или кого она там видела; может быть, еще тех, с кем она только что простилась. Ее взгляд запал мне в душу.

Я была не одна и не чувствовала себя одинокой: со мной было еще три знакомых мне человека. Мы вчетвером держались и тогда, и потом дружной, тесной компанией.

Меня заинтересовал тогда еще наш проводник, быстро, энергично и умно организовавший нашу группу. Организация была необходима; ждать, пока познакомятся между собой все эти люди, невыносимо. Он разбил нас на группы, назначил старост — во всяком случае, хотя бы до Вены.

В нашей группе оказалось восемь человек, в нее вошла и та девушка с грустными глазами, и мы в первый же вечер вместе пили чай. При записи в группу я узнала, что ее зовут Александра Васильевна Яхонтова. На другой день она все больше и больше привлекала мое внимание. Причиной тому было ее необыкновенное сходство с моей сестрой Дуней; она ее напоминала до странности. Чем? Своей фигурой, манерами, каким-то неуловимым выражением лица. И это было странно, потому что Александра Васильевна была совершенно другим человеком, с другой психофизической организацией. Чтобы проверить свое впечатление, я спросила об этом Татьяну, мою подругу, она тоже была поражена этим сходством и, не дав мне договорить, быстро ответила: «Удивительно похожа!»

Присматриваясь к Александре Васильевне, я почему-то представила себе, что она народная учительница и непременно левая, вернее — из левых социал-революционеров. Тот грустный взгляд, который я запомнила у нее в первый вечер, был не всегда. И все же в первые дни она была очень серьезна. Она много говорила со своей соседкой, которая, как она потом мне рассказывала, ей очень понравилась.

Еще до Варшавы, т. е. в первые два дня пути, мы как-то сошлись с ней на площадке вагона. Она стояла одна, и мне хотелось с ней заговорить — я подошла ближе. Начался разговор со взаимного представления, а потом я спросила не народная ли она учительница. Она заинтересовалась этим моим предположением и сказала, что она учительница средней школы и курсистка. Этим объясняется моя ошибка, так как мне кажется, что у народных учительниц, идейных, и у курсисток есть общая отметка интеллигентной простоты. Не помню, как это вышло, но только в эту беседу я рассказала ей много о себе, о своей собственной педагогической деятельности, о ее внешних рамках; рассказала и о моей майкопской высылке. Она слушала меня с почти сосредоточенным вниманием, что, вероятно, и возбудило во мне желание рассказать ей о себе. Изредка она задавала мне какой-нибудь вопрос, но так осторожно, будто боялась слишком близко коснуться моей больной души. Вид у нее был немного удивленный. Но потом уже более доверчивым тоном она меня спросила, как я могла сразу, чуть ли не с первого слова оказать незнакомому человеку столько доверия. Это ее, очевидно, поразило. Я ей ответила, что со мной это не всегда бывает, но в данном случае я не боюсь ошибиться, и затем спросила ее, правильно ли мое предположение, что она социал-революционерка. Она улыбнулась, но ответила мне, что не причисляет себя к партии. Уже

в первую беседу обнаружилось ее удивительное умение, даже не умение, а свойство, так как это делалось помимо ее воли, привлекать к себе людей и заставляя их распускаться, как бутон, раскрывая свою душу. Татьяна, в противоположность мне, отнеслась к ней с некоторым недоверием, в чем было виновато, я думаю, ее сходство с Дуней, которую Татьяна почему-то недолюбливала. Но уже через несколько дней, когда я как-то ей сказала, что Александра Васильевна, как мне кажется, человек очень мягкий, чуткий, в противоположность Дуне, она ответила: «Ну, и она, наверное, разная!» Даже спустя уже недели две она признавалась мне, что никак не может отнестись к ней непредвзято, что продолжает в ней видеть Колобка, как прозвали мою сестру.

В Варшаве я, как ни странно, Александру Васильевну не помню. Может быть, потому, что это был первый город, ко-

Варшава. Вид на Большой Королевский замок со стороны реки Вислы.
Фото начала XX века

Варшава. Лазенковский дворец. Фото начала XX века

торый нам пришлось осмотреть, и внешние впечатления за-
слонили от меня людей. Я помню только мою другую подругу
Люсю, так как беспокоилась из-за ее усталости; она отста-
вала от группы, и ее приходилось все время поджидать. Из
всей нашей компании Люся была, пожалуй, самой слабой.

Из варшавских впечатлений прочно остались в памяти,
во-первых, королевский дворец, в котором поражает низкое
желание его обитателей во всех мелочах подчеркнуть свое го-
сподство: Тронный зал с громадным портретом Николая I на
месте трона польских королей; часы с инициалами Алексан-
дра II вместо польского герба. И во-вторых, произвел впечат-
ление своим изяществом маленький дворец Станислава По-
нятовского в Лазенках. Понравились мне также варшавские
парки и тот дух большого европейского города, который мне
был знаком еще по Риге и который я люблю.

В ночь с 21 на 22 июня мы должны были пересечь грани-
цу, и эта ночь останется для меня памятна навсегда.

Итак, поезд подошел к Границе. Уже перед станцией мы немного волновались; проводник нас предупредил, чтобы мы приготовили свои паспорта, так как их сейчас у нас отберут для проверки. Послышался звон шпор, явился охранитель душ российских граждан и унес куда-то с собой наши паспорта. Был поздний вечер. В вагоне, слабо освещенном лампами, стоял полумрак. Чувствовали мы себя скверно, как-то ослабленно, будто действительно в чем-то провинились, и нас сейчас поймают с поличным или опять вышлют в какую-нибудь Тмутаракань. Пока проверяли наши паспорта, нас попросили перейти в другой поезд. Там вагон был старого образца с неподнимающимися спинками сидений, и в нем стоял тот же полумрак, что и в предыдущем вагоне первого поезда. И вот здесь разыгралась та трагикомическая история, которая может возникнуть, кажется, только у нас на почве всеобщей и хронической испуганности российских граждан. Я вышла на платформу с кем-то из товарищей. Вдруг прибегает Мария Петровна с испуганным лицом и сообщает, что в вагоне неладно: какой-то незнакомый молодой человек быстро вбежал в наш вагон, бросил на первое попавшееся место небольшой чемодан и быстро скрылся. Публика окружила таинственный чемодан, высказывая даже подозрения, не бомба ли в нем. Только немногие, в том числе и Александра Васильевна, выразили мысль, что это, вероятно, просто пассажир, торопившийся взять билет, так как никому нет никакого расчета подбрасывать бомбу при выезде из нашего любезного отечества. Конца сцены ни я, ни Александра Васильевна не видали, так как ушли с места происшествия, перестав им интересоваться. Потом мы узнали, что таинственный чемодан так же быстро исчез, как

и появился: тот же молодой человек опять быстро вбежал в вагон и, схватив его, улетучился.

Поезд стоял на станции долго, что-то больше получаса; за это время жандармы успели проверить наши права на выезд из Отечества в чужие страны. В вагон вошел жандарм с пачкой паспортов и раздал их, вызывая всех по фамилиям; в каждом паспорте оказалась отметка о пересечении границы.

Наконец все закончилось. Двери захлопнулись, и поезд тронулся с места. Помню, что я стояла у окна и напряженно всматривалась в ночной мрак: сейчас мы будем в Австрии. Мне даже удалось увидеть какую-то светлую линию, неясно рисовавшуюся на темном фоне ночи. Наверное, это была какая-нибудь небольшая речка. Поезд шел недолго, около 20 минут, и остановился на станции Щаково. Послышалась немецкая речь, на платформе мелькнули австрийские кепи. Мы забрали наши чемоданы и длинной вереницей, возбуждая внимание публики, которая была тогда еще для нас новым впечатлением, направились в зал таможенной ревизии. Австрийские чиновники с какими-то каменными лицами, с официальной выправкой и жесткой речью мне очень не понравились. Осмотрели они наши вещи довольно-таки быстро, отрывисто спрашивая: «Haben Sie Tabak?»¹ Впоследствии в течение нашего полуторамесячного путешествия нам еще пять раз пришлось подвергаться таможенному досмотру, но ни один не оставил того неприятного чувства, какого-то незаслуженного оскорбления, как этот осмотр. Может быть, потому, что был первым. Чувство это усилилось, когда при выходе из зала, уже в дверях, австрийский чиновник потребовал предъявить паспорта с отметкой о визе австрийского

1 «У вас есть табак?» (нем.)